

О.В. Григорьев

Неоэкономика: зачем и почему?¹

Мы живем во время, когда необходимо объяснения природы тех существенных экономических потрясений, с которыми столкнулась мировая экономическая система. Мы прекрасно понимаем, что крупные исследовательские и финансовые институты во всем мире ищут ответы на поставленные вопросы. Вместе с тем наша научная группа ввела свое собственное новое понятие – неоэкономика. По нашему мнению, со временем данное понятие будет также общепринятым и доступным, каким на сегодняшний день является понятие «устойчивое развитие», введенное в мировую терминологию всего лишь несколько десятилетий назад.

И в этой связи задачей данной публикации является объяснения понятия «неоэкономика» и зачем и почему потребовалось его введение.

Неоэкономика – это исследовательская программа, целью которой является создание целостной теории экономики, альтернативной господствующей в настоящее время неоклассической экономической теории, или, как ее часто принято называть, *economics*.

Но почему вообще понадобилось разрабатывать новую теорию?

Сегодня, по-видимому, для большинства «пользователей» экономической теории: политиков, общественных деятелей, представителей различных сфер бизнеса – от банков до всемирно известных индустриальных компаний бизнеса очевиден провал ортодоксальной экономической теории. Сначала она не смогла предсказать нынешний глобальный экономический кризис, потом долгое время не могла правильно определить и оценить его масштабы. До сих пор не сформулировано сколько-нибудь убедительной точки зрения по поводу причин кризиса и факторов, предопределивших его глубину и длительность.

Предлагаемые в рамках мейнстрима экономической теории рецепты показали свою бесполезность. Все чаще и чаще экономисты предлагают применять «нетрадиционные» меры экономической политики, что только лишней раз подчеркивает неспособность теории выработать адекватные и столь необходимые рекомендации.

Работа над созданием новой теории была начата нами еще до начала мирового экономического кризиса.

К *economics* предъявлялся и предъявляется длинный список самого различного рода претензий, касающихся реалистичности ее предпосылок, структуры теории, наличия «белых пятен» и внутренних противоречий, игнорирования фактов реальной жизни и так далее. Литература, критикующая *economics*, насчитывает тысячи томов и десятки, если не сотни тысяч статей.

Многое из сказанного критиками *economics* в той или иной степени справедливо. Впрочем, для полноты картины следует добавить, что в критической литературе также и достаточно много ошибок, передержек и просто откровенного

¹ О.В. Григорьев, 2015 г.

трэша. В общем, тот факт, что человек выступает противником экономического мейнстрима, еще не делает его однозначно правым.

Но даже и справедливой критики вовсе недостаточно для того, чтобы опровергнуть такую мощную, разветвленную и хорошо защищенную конструкцию, как *economics*. Теория опровергается только теорией. А большинство критиков либо сами принципиально исходили из невозможности построения какой-либо целостной теории, либо на место опровергаемых предпосылок ставили такие, на основании которых невозможно выстроить целостную и непротиворечивую теорию.

Действительно, можно сколько угодно опровергать предпосылку рационального выбора (одна из излюбленных мишеней критиков). Но если мы эту предпосылку заменяем предпосылкой нерационального выбора, то оказываемся в методологическом тупике. Тогда, чтобы построить теорию, мы должны сделать предположения о том, что из себя представляет нерациональный выбор: таких предположений мы можем сделать сколько угодно, и каждое из них будет не лучше и не хуже другого, а главное, все они будут не менее (а скорее, даже более) опровержимы, чем отвергнутая нами предпосылка о рациональности.

Тем, кто действительно профессионально занимается экономической теорией, известны и проблемы *economics*, и направления ее критики, и то, почему неоклассическая теория устойчива к опровержениям, несмотря на провалы, самый заметный из которых произошел в ходе современного кризиса, начавшегося в 2007 году.

Мы знали об этих проблемах, и понимали, что ситуация в экономической науке нуждается в серьезной реформе, однако наша сфера научных интересов изначально лежала в достаточно узкой области анализа взаимодействия развитых и развивающихся государств.

Никто не будет отрицать, что в этой сфере достижения *economics* не впечатляют. Существующие концепции не дают хороших предсказаний, теоретические положения и выводы противоречат фактам, для объяснения которых приходится прибегать к многочисленным *ad hoc* предпосылкам.

Кроме того, экономисту, работающему в развивающейся стране (в том числе и на достаточно высоких административных постах) бросается в глаза разрыв между объяснительными конструкциями, предлагаемыми неоклассикой, и восприятием происходящих процессов «изнутри».

С точки зрения субъективного восприятия в развивающихся странах взаимодействие с развитыми экономиками выглядит как постоянный рост односторонней зависимости. Это субъективное ощущение может быть подкреплено множеством объективных фактов и примеров. В то же время неоклассическая концепция решительно отвергает саму возможность явления «односторонней зависимости», соответствующим образом интерпретируя реальные факты и примеры. Иногда весьма своеобразно, если выражаться мягко.

Этот разрыв выглядит особенно впечатляюще, когда речь идет о России.

Россия² начала широкое взаимодействие с западной экономикой, будучи промышленно развитой страной. Ориентируясь на модели и концепции неоклассики можно было предположить, что при переходе к рыночной экономике с хороших стартовых условий перед Россией открываются широкие возможности экономического развития в самых различных направлениях. На самом же деле выяснилось, что спектр возможностей наоборот, сузился, и у страны есть фактически одна устойчивая траектория развития, связанная с усилением зависимости от экспорта энергоносителей и узкого круга других сырьевых товаров с невысоким уровнем переработки.

Многочисленные альтернативные стратегии, разрабатывавшиеся либо в качестве нормативных, либо в качестве прогнозных, оказывались несостоятельными независимо от того, какие интеллектуальные усилия прикладывались их авторами. То есть по сути дела сложилась ситуация предопределенности только одной стратегии – причем такой, которая большинством общества рассматривалась как неприемлемая и не обеспечивающая долгосрочного сбалансированного развития. Собственно, именно это и воспринимается как «зависимость».

В рамках работы над этой проблемой нами была сформулирована гипотеза, согласно которой взаимодействие развитых и развивающихся государств следует рассматривать как взаимодействие экономических систем с разным уровнем разделения труда.

Эта гипотеза оказалась весьма плодотворной. С ее помощью удалось адекватно объяснить многие явления, характерные для процесса взаимодействия государств с различным уровнем разделения труда, а также влияние этого взаимодействия на экономическую динамику внутри взаимодействующих экономик. Также удалось объяснить и то, почему при взгляде изнутри развивающихся государств результаты взаимодействия выглядят как рост зависимости.

Дело в том, что в результате взаимодействия происходит разрушение системы разделения труда в менее развитой экономике, а высвобождающиеся ресурсы встраиваются в более развитую систему разделения труда. При этом может формироваться новая система разделения труда более высокого уровня, чем та, которая изначально существовала в развитой стране, что способствует общему росту эффективности.

Таким образом, нам удалось показать, как сочетаются две, казалось бы, не сочетаемые вещи: с одной стороны, рост эффективности и взаимовыгодности взаимодействия двух экономик, с другой стороны, неприятие значительными слоями общества развивающихся государств, в том числе политической и хозяйственной элитой, такого взаимодействия. Также удалось показать ограничения и риски, связанные с взаимодействием экономик с разными уровнями разделения труда и продемонстрировать их действие на многочисленных конкретных исторических примерах.

После этого перед нами встали две проблемы.

² На самом деле, активное взаимодействие началось еще в период существования СССР, и уже в тот период стали проявляться тенденции, которые в полной мере реализовались после его распада. Собственно, именно появление этих тенденций и пробудило интерес автора к проблематике взаимодействия развитых и развивающихся государств.

Первая – чисто теоретико-экономическая. В нашей концепции основным фактором, объясняющим особенности взаимодействия двух экономик, является уровень разделения труда. Однако понятие «разделения труда» для экономической теории далеко не новое. Тогда возникает вопрос, почему этот фактор, экономистам хорошо известный, не применялся ранее для объяснения конкретных явлений экономической реальности.

Здесь мы были вынуждены углубиться в анализ истории экономической мысли и экономических концепций, чтобы понять, какие ошибки были допущены при разработке понятия «разделения труда», и какие структурные особенности разрабатываемых концепций препятствовали более точному пониманию этого понятия и его конструктивному использованию.

Вторая проблема заключалась в следующем.

При анализе взаимодействия экономик мы предполагали, что в каждой из них характеристика уровня разделения труда является заданной и относящейся ко всей экономике в целом. Для наших целей это предположение было допустимым. Однако при более широком взгляде на ситуацию сразу же возникают вопросы.

Действительно ли мы можем рассматривать какую-либо национальную экономику как экономику с единым уровнем разделения труда? Ведь уровень разделения труда – достаточно динамичный показатель, особенно если мы будем рассматривать его применительно к отдельным компаниям или отраслям.

Допустим, что уровень разделения труда в национальной экономике – не статичный, а динамичный показатель. Как происходит рост разделения труда внутри национальной экономики? Мы должны предположить, что в ней существуют какие-то подсистемы с низким уровнем разделения труда, которые поглощаются системами с более высоким уровнем разделения труда. То есть внутри национальной экономики происходят те же процессы, которые мы описали применительно к взаимодействию развитых и развивающихся экономик, хотя и с определенными особенностями.

По результатам анализа указанных двух проблем мы пришли к следующему выводу.

Ортодоксальная экономическая теория (economics) всегда неявно предполагает, что основной объект исследования – национальная экономика, всегда является однородной. С точки зрения нашего подхода «однородность» означает, что в стране сложился единый уровень разделения труда, определяющий параметры сбалансированности экономики (равновесия), и все экономические агенты действуют в условиях, задаваемых общим для всех уровнем разделения труда.

С нашей точки зрения такое представление неверно. В общем случае любая национальная экономика является неоднородной, то есть состоящей из подсистем с разными уровнями разделения труда. Причем начиная с некоторого момента времени для развитых стран некоторые из таких подсистем выходят за пределы национальных границ, формируя контуры глобальной экономики, а в случае развивающихся государств происходит включение их трудовых и природных ресурсов в системы разделения труда, осуществляющие экспансию на их территорию.

Что же касается отдельных экономических субъектов, в первую очередь фирм, то в неоднородной экономике они входят одну или одновременно несколько подсистем с разным уровнем разделения труда, причем обычные экономические индикаторы, в первую очередь, цены, не дают информации о том, в какие именно подсистемы (и в какой пропорции) они входят. То есть экономические агенты действуют в ситуации, в которой наличествует абсолютная неопределенность.

Мы рассматриваем экономическое развитие как динамический неравновесный процесс, в ходе которого структуры с более высоким уровнем разделения труда вытесняют структуры с низким уровнем, используя высвобождающиеся при этом трудовые и природные ресурсы для повышения уровня разделения труда. Этот процесс не привязан к национальным границам, он происходит как внутри них, так и за их пределами, хотя, конечно, наличие национальных границ накладывает определенные ограничения на интенсивность экономических процессов.

Другими факторами, влияющими на интенсивность процесса экономического развития являются демографический и логистический (в том числе изменение плотности населения вследствие его миграции). Как показали наши исследования, важную роль играет такой фактор, как распределение и способ образования доходов населения. Также важную роль играют технологии, которые в рамках нашего подхода характеризуются тем, как они влияют на уровень разделения труда в рамках локальных и глобальных экономических подсистем.

Таким образом, основной задачей исследования экономики на макроуровне с нашей точки зрения является анализ факторов, влияющих на интенсивность взаимодействия экономических подсистем с разным уровнем разделения труда, а также определяющих условия и границы роста разделения труда в рамках тех или иных подсистем. На микроуровне задачей исследования является разработка методов соотнесения микрообъектов с экономическими подсистемами с разными уровнями разделения труда, прогнозирования их развития и выработка рекомендаций по выбору стратегий развития.

Особо следует сказать о таком факторе, существенно влияющем на направление и интенсивность процессов в неоднородной экономике, как деньги и денежные системы.

Важным отличием нашей концепции от ортодоксальной является иное понимание роли денег и денежных систем. Ортодоксальная концепция связывает деньги с функционированием замкнутой равновесной экономики, то есть, в нашей терминологии, с экономической подсистемой, которая может быть охарактеризована единым уровнем разделения труда (эндогенные деньги).

По отношению к неоднородной экономике деньги и денежные системы должны рассматриваться как экзогенный фактор: только в этом случае они могут обеспечивать взаимодействие систем с различным уровнем разделения труда. При этом различные варианты политики введения экзогенных денег в экономику во многом определяют, как динамику, так и результаты взаимодействия систем с различным уровнем разделения труда.

Новое понимание роли характера и роли денег в экономике позволяет принципиально по-новому подойти к анализу проблем взаимосвязи между реальным и денежным секторами экономики. В частности, могут быть получены новые

результаты, касающиеся влияния количества денег в экономике, причин инфляции, механизма формирования финансовых пузырей.

Почему мы считаем нужным ввести новое название для предлагаемой нами экономической теории? Такой шаг вполне в духе традиций экономической науки, которая, меняя основной объект рассмотрения, меняла и свое название. Политическая экономия имела объектом рассмотрения национальное государство; неоклассика (economics) сосредоточилась на индивидууме. Мы считаем, что сегодня для более углубленного и более точного понимания экономических процессов необходимо поставить в центр анализа экономические подсистемы, характеризующиеся уровнем разделения труда (мы называем такие подсистемы воспроизводственные контуры).

По мере разворачивания исследовательской программы неэкономии мы постоянно стремились применять выработанные нами методы и подходы к актуальным экономическим событиям: как для объяснения происходящего, так и для прогнозирования развития событий. Как показал опыт, разрабатываемый нами подход приносит неизменно успешные результаты.

Мы были в числе немногих экономистов, которые предсказали нынешний глобальный экономический кризис, причем мы с самого начала указывали, что традиционные меры государственной политики и денежного регулирования будут иметь эффект только в краткосрочном аспекте, но окажутся неэффективными в долгосрочном плане. Мы задолго до начала европейского долгового кризиса указывали на структурные проблемы европейской экономики и на стратегические слабости проекта единой европейской валюты. Были успешными и наши прогнозы, касающиеся частных аспектов развития мировой экономики.

Для нас совершенно очевидно, что основной причиной сегодняшнего кризиса, безотносительно того, какие именно конкретные события его спровоцировали, является достижение естественных границ глобального повышения уровня разделения труда. Именно это обстоятельство и предопределяет затяжной характер нынешнего кризиса, и неработоспособность традиционных инструментов антикризисного регулирования.

Мы считаем, что в среднесрочном периоде мировая экономика может столкнуться с серьезными новыми угрозами. Дело в том, что вся система институтов современной экономики сформировалась в условиях постоянного роста глобального разделения труда и их эффективность определялась тем, в какой мере они содействовали такому росту. В условиях, когда рост разделения труда столкнулся с естественными ограничениями, происходит перерождение экономических институтов: они во все большей мере ориентируются не на развитие, а на сохранение достигнутого уровня доходов и благосостояния, в том числе и за счет других. Экономика возвращается к состоянию игры с нулевой суммой, где каждый может получить прибыль только за счет отъема ресурсов у других. Происходящее в настоящее время в Евросоюзе в полной мере отражает указанный тезис, а политические перспективы с учетом роста националистических настроений во многих странах выглядят удручающе.

Результатом наметившихся тенденций в поведении экономических агентов и институтов может быть распад глобальной системы разделения труда с крайне тяжелыми экономическими и политическими последствиями для всего мира.

Альтернативой такому сценарию является переход мировой экономики к модели развития, не связанной с ростом разделения труда. Мы считаем, что такое развитие возможно, однако оно требует серьезной и сознательной перестройки системы экономических (и не только) институтов. Одновременно с развитием теории мы в настоящее время пытаемся работать над идеями новых институтов.

Мы считаем, что разработанный нами подход к экономической теории позволяет не только правильно оценивать и прогнозировать экономические события, но и способен стать инструментом создания предпосылок для выхода из кризиса и обеспечения дальнейшего развития мировой экономики. В этой связи мы рассчитываем на заинтересованное обсуждение нашего подхода со стороны всего мирового научного сообщества.